

Д. Н. Старостин, Е. В. Кулешова

**СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПРОТОТИПЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
О ФРАНЦУЗСКОЙ МОНАРХИИ В РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ:
КЛОД ДЕ СЕЙССЕЛЬ (1450–1520) МЕЖДУ ТЕОЛОГАМИ
И ГУМАНИСТАМИ**

Высокое Средневековье было значимым периодом для формирования идей верховной власти, императорской и королевской, которые просуществовали до Великой Французской революции и определили политическое лицо Европы в раннее Новое время. Интересной проблемой для исследования этих идей является вопрос о верховном правителе как законодателе и правоведе. В римском праве на него были даны ответы, но он вновь возник в эпоху высокого Средневековья в силу той долгой дистанции, которую римское право должно было пройти, чтобы стать универсально принятым в Европе.

В данной статье исследуется тема правового статуса короля в контексте средневековых концепций империи и папства в том виде, в котором она оформилась в трудах Клода де Сейсселя. Наш тезис состоит в том, что важным источником для формирования образа королевской власти в сочинениях Сейсселя «Великая французская монархия» и «Восхваление короля Людовика», в дополнение к трактатам по каноническому, римскому и феодальному праву, широко распространённым в XV–XVI вв., стал также особый тип трактатов о правилах поведения королей, *Regimina principum*. Во-первых, на основании развития этого жанра сочинений мы отметим значительные изменения в представлениях о сравнитель-

ном значении образов императора Священной Римской империи и европейских монархов. Мы покажем, что, как в работах Сейсселя, так и в изменении названий некоторых сочинений в процессе их публикации в виде инкунабул и старопечатных книг, отразилось коренное переосмысление образов правителей конца XV – начала XVI вв. Во-вторых, мы подчеркнем, каким образом в работах Сейсселя проявились изменения духа трактатов, написанных в рамках этого жанра, и покажем, что в его сочинении «Великая французская монархия» был сделан очень тонкий синтез нескольких тенденций в изменении образов власти в позднем Средневековье. И в-третьих, мы покажем, как в соответствии с изменениями практики власти именно в период перераспределения полномочий между Священной Римской империей и королевствами других регионов Европы в трактатах явно возникла граница между образами императора, короля и князя, создавшая основу для территориального разделения политических культур между Империей и королевством Франция.

Биография Клода де Сейсселя достаточно хорошо изучена исследователями¹. К настоящему моменту сложилась разработанная историография ряда проблем в его творчестве. Исследования фокусировались на его философско-политическом трактате «Великая французская монархия», благодаря которому он стал известен как политический философ высокого уровня, ответственный за разработку концепций «смешанной монархии» и «сдержек монархии»². В частности, Сейссель считал, что поскольку француз-

¹ *Caviglia, A.* Claudio di Seyssel (1450–1520): La vita nella storia di suoi tempi. Turin, 1928. (Miscellaneadi Storia Italiana; LIV).

² *Poujol, J.* Claude de Seyssel. Monarchie de France et deux autres fragments politiques. Paris, 1961. P. 253. (Bibliothèque elzévirienne. Nouv. sér.: Études et documents); *Mombello, G.* Claude de Seyssel: un esprit modéré au service de l'expansion française // Culture et pouvoir au temps de l'Humanisme et de la Renaissance / Sous la dir. de L. Terreaux. Paris, 1978. P. 71–119; *Gallet, L.* La monarchie française d'après Claude de Seyssel // Revue historique de droit français et étranger. 1944. T. 22. P. 1–34; *Seyssel, C. D.* La Monarchie de France / sous la dir. de R. Ragghianti. Paris, 2012. P. 190 (Société des textes français modernes; 247); *Jouanna, A.* Les avatars du thème de la monarchie mixte dans l'œuvre de Claude de Seyssel // Claude de Seyssel, c. 1450–1520: écrire l'histoire, penser le politique en France, à l'aube des temps modernes: issu du colloque

ская монархия управлялась и сдерживалась «добрыми законами, ордонасами и обычаями», она представляла собой своего рода единое «политическое тело»³. В сочинениях теологов, теоретиков общественно-политической мысли в это время начала вырабатываться идея необходимости согласовать номинальный примат власти императора и прерогативы многих королей, которые де факто уже давно не видели империю сюзереном.

Клод де Сейссель является автором трактата, восхвалявшего французскую монархию, который приобрел большую популярность в XVI–XVII вв. в Европе: «*La grant monarchie de France*»⁴. Он попытался раскрыть тему короля Франции как идеального европейского монарха, свободного от влияния Священной Римской империи, исследуя те структуры власти, на которых французская монархия держалась⁵. В сочинении Сейссель хоть и отдал должное венецианской республике, как представитель гуманистического движения, но уделил больше внимания преимуществам французской

«Autour de Claude de Seyssel» / Sous la dir. de P. Eichel-Lojkine. Rennes, 2010. P. 15–24; Blanchard, J. Commynes et Seyssel: proximités et divergences à propos de la Monarchie de France // Claude de Seyssel, c. 1450–1520: écrire l'histoire, penser le politique en France, à l'aube des temps modernes: issu du colloque «Autour de Claude de Seyssel» / Sous la dir. de P. Eichel-Lojkine. Rennes, 2010. P. 70; Fournel, J.-L. L'écriture du gouvernement et de la force en France et en Italie au début du XVIe siècle // Claude de Seyssel, c. 1450–1520: écrire l'histoire, penser le politique en France, à l'aube des temps modernes: issu du colloque «Autour de Claude de Seyssel» / Sous la dir. de P. Eichel-Lojkine. Rennes, 2010. P. 120; Collard, F. Claude de Seyssel à l'épreuve de Robert Gaguin // Claude de Seyssel, c. 1450–1520: écrire l'histoire, penser le politique en France, à l'aube des temps modernes: issu du colloque «Autour de Claude de Seyssel» / Sous la dir. de P. Eichel-Lojkine. Rennes, 2010. P. 62.

³ Boone, R. A. War, domination, and the monarchy of France: Claude de Seyssel and the language of politics in the Renaissance. Leiden, 2007. P. 131.

⁴ Bourdon, P. «La grand Monarchie de France» de Claude de Seyssel et sa traduction en italien, in: *M'elanges de l'ecole française de Rome*. 1908. T. 28. No 1. C. 3–29; Seyssel C. *La grant Monarchie de France*. Paris, 1519.

⁵ Старостин, Д. Н., Кулешова, Е. В. Клод де Сейссель (1450–1520) о формировании образа идеальной монархии в контексте Итальянских войн и соперничества с итальянскими городами-государствами, В кн.: *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2020. Т. 11. №10 (96). С. 22.

монархии⁶. В 1508 г. в «Похвале Людовику XII» Сейссель затронул проблему, является ли Священная римская империя верховной властью в Европе. Он прямо отмечал, что на тот момент «франки» и «испанцы» не подчинялись власти империи, однако, они компенсировали это приверженностью к римскому праву и опорой на Дигесты⁷. В своей «Похвале Людовику XII» Сейссель превозносил манеру правления своего патрона как взвешенную, сбалансированную и полную намерения учитывать интересы своего окружения и союзников.

Трактат Сейсселя является продолжением традиции формирования идеи монархической власти как отличной от власти императора, которая стала развиваться в Европе начиная с XIII в. Отметим вначале, что монархия, как основная идея верховной власти после кризисов в Священной Римской империи, взятия Константинополя в 1204 г., стала постепенно набирать силу и становиться все более популярной. Эгидий (Жиль) Римский (1243–1316) и Иоанн Парижский (1255–1306)⁸ обращались к концепции власти французского короля как «естественной» и уже не связанной с концепцией империи. Бартоло де Сассоферрато (1314–1357) выступал за империю как лучшую форму власти, но допускал единоличное монархическое правление как возможное, правда, только на том основании, что оно лучше, чем олигархия. Говоря о «третьем виде правления» (монархии) в лице одного человека, он опирался на Аристотеля и на Дигесты Юстиниана (1.2.2.11), чтобы отличать власть императора от власти короля. Бартоло де Сассоферрато видел различие в том, что император должен был править в окружении юристов в отличие от светских князей. По его мнению, единоличная монархическая власть была наиболее благоприятной для развития интересов, благосостояния и стабиль-

⁶ Seyssel, C. *La grant Monarchie de France*. P. 107–108; Boone, R. A. *War, domination, and the monarchy of France: Claude de Seyssel and the language of politics in the Renaissance*. P. 131.

⁷ Seyssel, C. *de. Les louenges du roy Louis XII de ce nom*. Paris, 1508. P. 20–21.

⁸ *Aegidius Romanus. De regimine regum et principum*. 1301. Historical Medical Library of The College of Physicians of Philadelphia, ms. 10a 212; *Aegidius Romanus. De regimine principum*. Augsburg, 06.1473; Jones, C. *Giles of Rome, Political Thought*, in: *Encyclopedia of Medieval Philosophy* /Ed. by H. Lagerlund. Dordrecht. C. 417–423; *Quidort von Paris J. Über Königliche und papstliche Gewalt (De regia potestate et papali)* / Hrsg. von F. Bleienstein. Stuttgart, 1969.

ности социума⁹. Идея монархии была введена в гуманистический дискурс Данте и после перевода его сочинения на итальянский язык, выполненного Марсилио Фичино в 1467 г., стала примером для гуманистов как отражение платоновского идеала общества, состоявшего из трех сословий¹⁰. Младший современник Данте Марсилиус Падуанский, вслед за Бартоло де Сассоферрато, считал идеальной монархию выборную, основанную на законах и справедливости. Труды флорентийских гуманистов Ф. Петрарки, К. Салютати, Л. Бруни и их идейных последователей, в которых постоянно присутствуют рассуждения о преимуществах монархии или республики, являются примером широты спектра воззрений на проблему политического устройства. Представители «гражданского гуманизма» (Л. Бруни, М. Пальмиери, А. Риниччини) полагали наилучшим устройством республику, воплощавшую идеи общего блага, свободы и справедливости, именно с ней в их представлении были связаны все достоинства Флоренции. Поэтому трактат Клода де Сейсселя обращался к теме, которая была разработана рядом юристов и теологов и уже была на слуху у гуманистов.

В настоящей статье мы хотим привлечь внимание к тому, что Клод де Сейссель опирался в своих размышлениях не столько на труды итальянских гуманистов, сколько на богатую и широко распространённую традицию «Зерцал правителей». В то же время, среди разных воззрений на проблему власти, возникших в эпоху борьбы за примат между Священной Римской империей, папством и королевской властью, Сейссель нашёл собственный путь создания актуального образа власти. Само по себе возникновение жанра «Зерцал правителей» хорошо изучено и имеет значительную историографическую традицию. Вероятно первым значимым для политической культуры средневековой Европы примером такого текста можно считать «Житие императора Константина», хотя

⁹ *Bartolo de Sassoferrato. Politica e diritto nel Trecento italiano. Il «De Tyranno» di Bartolo da Sassoferrato (1314–1357) con l'edizione critica dei trattati «De guelfis et gebellines», «De regimine civitatis» e «De Tyranno» / A cura di D. Quaglioni. Firenze, 1983. Cap. 2. P. 151, 153, 154.*

¹⁰ *Кудрявцев, О. Ф. Творчество Данте в интерпретации гуманистов Флорентийской Платоновской академии, В кн.: Studia litterarum. 2022. Вып. 7. № 2. С. 96–98.*

по поводу его основной идеи и предназначения идут дискуссии. Августин Блаженный в своём сочинении «О граде Божьем» (Кн. V, гл. 24) также описывал образ идеального христианского императора. В раннем Средневековье появился трактат VI в. Мартина Бракарского «*Formulae vitae honestae*», написанный для короля Миро Галисийского, а также значительная часть кн. III «Сентенций» Исидора Севильского. Кроме того, известность получил тракт «*Liber de duodecim abusivis saeculi*», долго приписывавшийся Киприану и ставший основой для многих похожих текстов впоследствии. Также важным для понимания ответственности властителя было предисловие к V книге «Истории» Григория Турского, в которой он порицал королей за внутрисемейную, междоусобную борьбу. Таким образом, уже к концу меровингского периода в Западной Европе было создано достаточно много сочинений, задававших высокую планку для воспитания будущих правителей и устанавливавших нормы поведения королей.

В каролингскую эпоху эта традиция была продолжена. Только для представителей правящей династии было написано пять сочинений. Катвильф, Смарагд из Сен-Михеля, Иона Орлеанский, Седулий Скотт, и Хинкмар Реймский стали главными авторами нормативных сочинений о воспитании королей. В *Via regia*, посвящённом Людовику Благочестивому, Смарагд адаптировал для короля своё раннее сочинение «Диадема» о наставлении монахов. Иона Орлеанский создал поучение для короля, перефразировав для этого случая решения Орлеанского собора 831 г. Седулий Скотт написал для Лотаря II Лотарингского сочинение *De rectoribus christianis*¹¹. Фактически, все эти труды основывались на бенедиктинском уставе и постановлениях церковных соборов, что подтверждает идею о светских правителях как ипостаси монашества¹².

В период высокого Средневековья традиция продолжилась. Однако одновременно с привычной опорой на античные образцы и на монашеский устав пришли новые веяния. Среди авторов,

¹¹ Anton, H. H. *Fürstenspiegel und Herrscherethos in der Karolingzeit*. Bonn, 1968.

¹² Wollasch, J. Kaiser und Könige als Brüder der Mönche: Zum Herrscherbild in liturgischen Handschriften des 9 bis 11 Jahrhunderts, in: *Deutsches Archiv*. 1984. Jg. 40. No 1. S. 1–20.

посвятивших свои трактаты воспитанию королей, можно назвать Иоанна Солсберийского, Фому Аквинского и Эгидия Римского, а среди авторов, оказавших на них влияние, можно упомянуть Альберта Великого и ряд других. Представления о монархии и в частности, о правилах поведения королей, как обязательного условия существования благословлённого Богом правления, стали активно развиваться начиная с XIII в. Исследующие политическую мысль Средневековья историки обычно выделяют Иоанна Солсберийского (1110–1180), который отразил в своем сочинении «*Policraticus*» 1159 г. идеи о правлении и о королевстве как едином теле, построенные на воззрениях Плутарха. В этом сочинении он определял в качестве главной черты характера правителя сдержанность и способность удержаться от наказаний, даже если они кажутся оправданными. Король виделся ему как «служитель Бога», который, однако должен был придерживаться ограничений, исходящих от законов¹³. Но в целом это сочинение предлагало мало новых мыслей, опираясь на традиции, заданные в отношении священников еще трудами Юлиана Померия. Исследователи используют также в качестве примера политической мысли высокого Средневековья труд Брунетто Латини (1120–1294) «*Tesoro*» (во французском переводе «*Li livres dou Tresor*»)¹⁴. Но в этой «энциклопедии» средневековых знаний о мире (которая включает в себя описания редких животных, типов еды в разных культурах и др.) слишком мало собственно материала об образе правителя.

Примеры сочинений о воспитании королей не исчерпываются только вышеперечисленными. В этом жанре писали также Геральд Уэльсский (1146–1223), Гвибер из Турнэ (1200–1284), Хуан де Сория (ум. 1246) и др., создав сочинения об обучении королей и об их обязанностях в качестве правителей, используя в основном классические или монашеские прототипы.

Но в то же время к традиционным позитивным образам поведения властителей, взятых в первую очередь из воззрений Античности, добавились новые. Годфрид из Витербо (1120–1196) в своем «*Speculum regum*» (ок. 1183 г.) создал образы правителей начиная

¹³ *John of Salisbury. Policraticus I–IV* / Ed. by K. S. B. Keats-Rohan. Turnhout, 1992. 54, 28–29, 46–49.

¹⁴ *Briguglia, G. Il pensiero politico medievale*. Torino, 2018.

с Античности и до раннего Средневековья, давая каждому индивидуальную характеристику. Годффрид использовал образы Пипина III и Карла Великого (в дополнение к образам многих античных правителей), чтобы указать правильные аспекты поведения во власти будущему Генриху VI, наставником которого он был. Его сочинение было скорее историческим компендиумом, чем руководством по воспитанию государей, но оно тем не менее могло использоваться для создания позитивного образа властителя и позволяло создавать соответствующие примеры¹⁵. Исследователи отмечают, что совершенно новым феноменом стало сочинение в стихах Жиля (Эгидия) Парижского (1160–1223/4) «*Carolinus*». Эгидий использовал цикл романтических рыцарских романов о Карле Великом¹⁶ в качестве основы для своего поэтического наставления Людовику VIII (2000 строк) и в пяти книгах рассказал о первом императоре франков как о воплощении четырех главных достоинств¹⁷. Это стало прекрасным примером того, как в дополнение к монашеским уставам, решениям церковных соборов и античным образам власти в высоком Средневековье появились новые образцы для подражания, а именно переработанный для романтической рыцарской поэзии рассказ о деяниях Карла Великого.

¹⁵ *Godfred Viterbiensis. Speculum regum*, in: *Scriptorum*. T. XXII. Hannover, 1872. С. 21–93. (MGH *Scriptorum*).

¹⁶ *Rauschen, G. Die Legende Karls des Grossen im 12 und 13 Jahrhundert*. Leipzig. (Publikationen der Gesellschaft für Rheinischen Geschichtskunde; 7); *Karls des Grossen Reise nach J'erusalem und Constantinopel* / Hrsg. von E. Koschwitz. Heilbronn, 1879; *Sechs Bearbeitungen des altfranz' osischen Gedichts von Karls des Grossen Reise nach Jerusalem und Constantinopel* / Hrsg. von E. Koschwitz. Heilbronn, 1879; *Karls des Grossen Reise nach Jerusalem und Constantinopel, ein altfranz' osisches Heldengedicht* / Hrsg. von E. Koschwitz, G. Thureau; 7 hrsg. Leipzig, 1923; *Corbellari, A. L'épopée pour rire: Le voyage de Charlemagne à Jérusalem et à Constantinople et Audigier*. 2017; *Fulton, H. Charlemagne in Wales: Imperialism in Medieval Welsh Poetry, Charlemagne in the Norse and Celtic Worlds*. 2022. P. 193–218; *Rejhon, A. C. The Reception of the French Charlemagne Epic in Medieval Wales: The Case of Can Rolant and Pererindod Chialrymaen*, in: *Charlemagne in the Norse and Celtic Worlds*. 2022. P. 172–192; *Le P'elerinage de Charlemagne à Jérusalem et à Constantinople*, in: *La geste de Garin de Monglane en prose* / Ed. H.-E. Keller. Aix-en-Provence, 1994.

¹⁷ *Billot-Vilandrau, C. Charlemagne and the Young Prince: A Didactic Poem on the Cardinal Virtues by Giles of Paris (c. 1200)*, in: *Virtue and Ethics in the Twelfth Century* / Ed. by I. P. Bejczy, R. Newhauser. Leiden; Boston, 2005. P. 341–354.

В XIII в. ситуация с репрезентацией власти императора, церкви и светских властителей-королей сильно изменилась в результате захвата Константинополя крестоносцами, формирования установленного римским папой кодекса канонического права («*Decretalia*» на основе «*Decretum Gratiani*») и усилением роста интереса к римскому праву, а также к изучению и интерпретации Кодекса Юстиниана «глоссаторами» и «комментаторами». Нам бы хотелось привлечь внимание в первую очередь к тому, какие из тех новых представлений, которые появились в этот момент, стали основой для Клода Сейсселя и как трансформировалась в этом контексте общественно-политическая мысль. На переломе XV и XVI вв., когда писал Сейссель, в общественной мысли уже успели сложиться очень разные и практически противоположные в некоторых аспектах точки зрения на иерархию власти в Европе. Нам представляется, что поворотным моментом в разделении общественно-политических школ, посвященных образу правителя, стало начало XIV в., а именно момент «пощечины в Ананьи» (1303 г.), когда был унижен Бонифаций VIII, папа из рода Колонна. В это время в области правовой оценки этого события и в представлениях об империи, папстве и королевской власти, в целом остававшихся неизменными с эпохи императора Константина, произошло разделение на разные «школы мысли». В особенности мы хотим подчеркнуть, что появились трактаты, которые уже разделяли образ власти императора и принципы управления империей, идею о порядке в церкви, иногда, но не всегда увязывавшуюся с влиянием папы в церкви, и представления о королевской власти.

Наиболее ярким представителем школы легитимации власти императора и империи с точки зрения именно правовой теории, преподаваемой университетским юристам, был легист и цивилист, «комментатор» Римского права Чино да Пистойя (1270–1336/7), друг Данте. Он считал императорскую власть прямым и непосредственным отражением власти Бога без какой-либо промежуточной ступени. Разбирая нормы кодекса Юстиниана (как «Дигесты», так и «Новеллы»), он подчеркивал, что от императора нельзя требовать ни установления факта, ни издания решения или документа, потому что это является не его обязательством, а частью обязательств

судьи¹⁸. Прямым продолжателем дела Чино да Пистойи в Англии стал Уильям Оккам (1287–1347), который составил «Зерцало императора» (а не короля, как это делалось ранее) в рамках своего сочинения «Диалог», 3.2¹⁹. В названии труда Оккама заключался парадокс или элемент спора с континентальной традицией, потому что, во-первых, он взял за основу труд Эгидия (Жиля) Римского «De regimine principum et regum», «О порядке правления князей и государей», в котором речь не шла об образе императора, во-вторых, ко времени Оккама в континентальной Европе представления Чино да Пистойя уже были известны не только теологам, но и юристам, а в соответствии с ними император был прямым отражением божественной власти, и говорить о «зерцале императора» и о доведении его образа до соответствия некоторому идеалу стало уже некорректно. Но Оккам посвятил свое сочинение именно императору, что говорит об инсультности его мышления.

Стоит отметить, что рассуждая о развитии политической мысли, большинство исследователей, как правило, начинает с авторов, писавших об идее монархии, и обращается в конце к эпохе «соборного движения» (консилиаризма) и далее к Карлу V²⁰. Это происходит потому, что в их работах не учитываются тенденции развития политический мысли в ряде северных регионов Европы, например, в королевстве Франция. Стоит заметить, что как раз в эпоху, отмеченную борьбой Бонифация VIII и Филиппа IV, написали свои сочинения несколько авторов, посвятивших свои работы другой теории верховной власти и порядку ее функционирования. Отметим, что в XIV–XV вв. произошло деление интересов теологов, историков и юристов как минимум на две группы, теоретиков высшей власти

¹⁸ *Cino de Pistoia*. *Lectura Codicis*. Lyon, 1547. P. 29–31; *Lambertini R., Conetti M.* Il potere al plurale. Un profilo di storia del pensiero politico medievale. Roma, 2019.

¹⁹ *William of Ockham*. *Dialogus: Part 3 Tract 2* / Ed. by S. Heinen, K. Ubl. London, 2019; *Miethke, J.* Ein Fürstenspiegel für den Kaiser in der Tertia pars des «Dialogus» Wilhelms von Ockham, in: *Institution und Charisma. Festschrift für Gert Melville zum 65. Geburtstag* / Hrsg. von J. Felten, A. Kehnel, S. Weinfurter. Köln; Weimar; Wien, 2009. S. 245–262; *Caragnano, M. M.* Lo *speculum imperatoris* di Dialogo 3.2 e il *De regimine principum*: alcuni ipotesi di confronto, in: *Picenum seraphicum. Rivista di studi storici i francescani. Nuova serie*. 2024. Vol. 37. P. 133–162.

²⁰ Например, см.: *Briguglia, G.* Il pensiero politico medievale.

империи (уже упоминавшегося Чино да Пистойя) и теоретиков церковного порядка (Эгидий Римский, происходивший, как и Бонифаций VIII, из римской семьи Колонна). Эгидий и его толкователь Яков из Витербо (1255–1307) были авторами трактатов о церковной дисциплине: «*De ecclesiastica potestate*»²¹ и «*De regimine christiano*»²². Эгидия считают сторонником церкви как своего рода «мирового правительства», что было вполне естественным отражением философии власти семьи Колонна. Казалось бы, произошёл естественный раскол на две партии — сторонников империи и сторонников папства, и в этой ситуации вряд ли можно было бы найти место для возвеличивания власти королей, и в частности, государей Франции.

С учетом этой ситуации, мы бы хотели отметить другую тенденцию, на которую раньше мало обращали внимания в контексте изучения представлений о власти в континентальной Европе. История сочинений «*De regimine*» начинается с трактатов двух учёных. Речь идет о сочинениях «*De regno ad regem Cypri*» Фомы Аквинского и «*De regimine principum*» Птолемея из Лукки, созданных в конце XIII в. Поскольку эти два текста в силу особенностей рукописной традиции слились воедино, в существующем тексте нет возможности отделить идеи Фомы Аквинского от идей Птолемея. Достаточно сказать, что у сохранившегося текста есть две важных для нас характеристики. Во-первых, его автор высказался строго за необходимость единоличного правления, что подготовило написание «*De monarchia*» Данте²³. Таким образом, «*De regimine / De regno Cypri*» заложил основы легитимации верховной светской власти, что позволило Данте оправдать возможность существования светской королевской власти в Европе как наследницы власти императоров Рима с учетом «Авиньонского пленения» пап. Во-вторых, стоит особо отметить, что в этом трактате появилась важная тема «телесности» правителя, отразившая складывавшуюся в европейской культуре в целом тенденцию к отри-

²¹ *Aegidius of Rome. On Ecclesiastical Power: A Medieval Theory of World Government* / Ed. by R. Dyson. New York, 2004.

²² *Arquillière, H. X. Le plus ancien traité de l'Eglise: Jacques de Viterbe. De regimine Christiano (1301–1302). Étude des sources et édition critique.* Paris, 1926; *Dyson, R. W. James of Viterbo: On Christian Government (De regimine Christiano).* Rochester, 1995.

²³ *Papi, F. Il De regimine principum di Egidio Romano nella biblioteca di Dante, in: «Significar per verba»: laboratorio dantesco.* Ravenna, 2018. P. 157–202.

цанию идеи греховности телесного начала, характерного для христианской теологии²⁴. Автор писал о необходимости для короля иногда претерпевать телесное неудобство (например, носить бороду) в случаях, когда и ему и его войску нужно было добиться победы²⁵. Таким образом, название трактата «*De regimine*» приобрело смысл руководства не только по благочестивому поведению в контексте управления двором и королевством, но также и по правильному содержанию тела короля. Далее у Эгидия Римского много говорится о «сдержанности в еде», как об одном из важнейших аспектов сдержанности королей вообще²⁶.

Промежуточное место между Чино да Пистойя, занявшим сторону империи, и философами и юристами, развивавшими тему форм идеального правления в виде монархической власти (Фома Аквинский и Птолемей из Лукки), занимал Эгидий (Жиль) Римский. Как представитель семьи Колонна, Эгидий (Жиль) написал уже упоминавшийся трактат «О церковной власти», который являлся главным источником воззрений о сохранении роли церкви в эпоху начинавшегося «Авиньонского пленения», и в котором были высказаны идеи относительно правомочности принятия папами своих решений²⁷. В других сочинениях он оправдывал отречение Климента V, которое привело к власти Бонифация VIII, и таким образом, защищал правомочность избрания последнего. В то время, когда папство потеряло свое влияние, утверждения о суверенитете церкви являлись опорой, на которой могла строиться идея о преемственности средневековой власти с предшествовавшей ей Римской империей. Как наиболее актуальный для последующих поколений юристов можно выделить другой трактат

²⁴ Kantorowicz, E. The King's Two Bodies: A Study in Mediaeval Political Theology. Princeton, 1957.

²⁵ Tommaso de Aquino. De regimine principum / Trad. da A. Meozzi. Lanciano, 1923. 128, Lib. I, Cap. 10.

²⁶ Aegidius Romanus. De regimine principum. Über die Fürstenherrschaft (ca. 1277–1279): Nach der Handschrift Rom, Biblioteca Apostolica Vaticana, codex borgese 360 und unter Benutzung der Drucke Rom 1556 und Rom 1607 / Hrsg. von V. Hartmann. Heidelberg, 2020. I.II.15, Biblioteca Apostolica Vaticana, Cod. Borgese 360, fol. LVIr.

²⁷ Aegidius of Rome. On Ecclesiastical Power: A Medieval Theory of World Government.

Эгидия Римского, который изначально назывался в оригинале «*De regimine principum et regum*», а в русском переводе «О правлении принцев и королей»²⁸. Следует обратить внимание на данный тип сочинений о «поучении» (*De regimine*), который стал на период XIV–XV вв. весьма значимым именно благодаря Эгидию Римскому²⁹. Такие труды показали интересную трансформацию представлений о власти в позднем Средневековье. Несмотря на значимость трудов Фома Аквинского, самым распространенным трактатом о воспитании королей со словами «*De regimine*» в заглавии стало именно сочинение Эгидия³⁰. Критически важным является также тот факт, что это сочинение получило название «*De regimine principum*» (без упоминания *reges, королей*) в одном из первых печатных изданий³¹.

Копии рукописи сочинения Эгидия (Жиля), как показывают исследования, весьма активно читались и использовались для обучения³². Отметим, что одна копия (которая сегодня хранится в БАН), например, оказалась у известного историка и полемиста начала XVI в. Якоба Вимпфелинга³³. Трактаты с названием «*De regimine*», «О воспитании», и особенно трактат Эгидия Римского, отражают очень важную тенденцию в представлениях о власти. Изначально, если судить по названию, они предназначались как пособие по обучению королей и князей (*principes et reges*). Довольно сложно определить, что в данном случае обозначал термин «принцепс». Обозначая власть императора Августа и последующих правителей Рима, он получил широкое употребление именно в Священной Римской империи после 1180 г., когда *principes* как сословие было упомянуто в документе Фридриха Барбароссы. Это было основополагающее понятие для всей последующей истории Священной Римской империи, в которой княжеское сословие стало играть важнейшую роль. В теории, рукописные копии сочинения Эгидия отражали

²⁸ *Aegidius Romanus. De regimine regum et principum.*

²⁹ *Aegidii Romani Opera omnia, I, II, Catalogo dei manoscritti (239–372). 1/3*–1/3** Francia (dipartimenti, Parigi) / A cura di F. Del Punta, C. Luna. Firenze, 1988. (Corpus Philosophorum Medii Aevi; VI–VII).*

³⁰ *Aegidius Romanus. De regimine regum et principum.*

³¹ *Aegidius Romanus. De regimine principum.*

³² *Aegidii Romani Opera omnia, I, II, Catalogo dei manoscritti (239–372). 1/3*–1/3** Francia (dipartimenti, Parigi).*

³³ БАН НИОРК 170 инк: *Aegidius Romanus. De regimine principum.*

характерное еще для высокого Средневековья мнение о равенстве статусов королей (например, короля Франции) и имперских князей при уникальной роли императора как правителя всей Европы. В противоположность этому, первые публикации данного текста в начале XVI в. в книжном, печатном формате уже носили название «О правлении (воспитании) принцев» (т. е. князей). Таким образом XIV и XV вв. представления об иерархии власти в Европе были основаны все-таки на идее главенства империи и требовании подчинения императору (в союзе с папой римским) всех светских властителей. Стоит отметить, как принципиально изменилась трактовка смысла этого текста после смены представлений об империи и королевской власти в результате коренного переворота в социальной истории Европы и в репрезентациях социума. Современники воспринимали дело так, что к началу XVI в. королей можно было считать достигшими такого уровня личностного развития, что они уже стали равными императорам и уже больше не нуждались в наставлениях. Этот процесс вполне можно объяснить рядом факторов, способствовавших усилению королевской власти. Падение Византии и открытие Нового Света способствовали консолидации властных элит, и разница между императором Священной Римской империи и королями перестала быть актуальной, тем более что Изабелла как королева Кастилии стала внезапно обладательницей территорий, превосходивших многие европейские королевства.

Отметим, что монархия как основная идея верховной власти после кризисов в Священной Римской империи и после взятия Константинополя в 1204 г. стала постепенно набирать силу и становиться все более популярной. Идея о власти как об иерархической структуре присутствовала уже у Готфрида из Витербо. В его маленьком трактате «*Denominatio regnorum imperio subiectorum*» можно увидеть первую попытку перечислить все княжества, имперские города и другие властные единицы Священной Римской империи в порядке их значимости. Бартоло де Сассоферрато (1314–1357) был за империю как лучшую форму власти, но допускал единоличное монархическое правление как возможную форму в отдельных королевствах, потому что оно было лучше, чем олигархия. Говоря о третьем виде правления в лице одного человека, он опирался на Аристотеля и на Дигесты Юстиниана (1.2.2.11), чтобы отличать власть императора от власти

короля³⁴. Но Бартоло де Сассоферрато видел отличие только в размахе и универсализме власти, потому что император должен был править в окружении юристов в отличие от светских князей. Королевская власть, с точки зрения Бартоло де Сассоферрато, не была тождественна власти светских князей и являлась «естественной», потому что вслед за римским юристом Жилем (1243–1316), Готфридом из Витербо (1255–1307) и Иоанном Парижским (1255–1306)³⁵, он считал единоличную монархическую власть наиболее благоприятной для развития интересов, благосостояния и стабильности социума³⁶.

Отметим также интересный подход Бартоло к уже упоминавшемуся названию «*De regimine*»: его сочинение называлось «*De regimine civitatis*» (Об управлении города). Таким образом, этот мыслитель убрал из рассмотрения тему о «воспитании» королей или принцев, что было выгодно как королям Франции, так и князьям Священной Римской империи, а слово *regimen* истолковал, скорее, как порядок или управление. Важность работ Бартоло де Сассоферрато заключалась в том, что он предвосхитил тенденцию разрушения старого средневекового порядка, в котором империя и папство были во главе иерархии власти, видя построение системы взаимоотношений городов-государств Италии более актуальным. Понимая необходимость «порядка» в городах, он сделал исполнение требований по поддержанию мира в них обязательством не только императоров, как это писал Чино да Пистойя, но и королей.

Несмотря на значительную разницу в методах обсуждения правовых и социальных норм, в подходах, а также в характере обсуждаемых проблем среди представителей трех школ общественно-политической мысли сложился консенсус в отношении иерархии власти. Высшей властью виделся император, под эгидой

³⁴ Novissime sicut ad pauciores iuris constituendi vias transisse ipsis rebus dictantibus videbatur per partes, evenit, ut necesse esset rei publicae per unum consuli ...: igitur constituto principe datum est ei ius, ut quod constituisset, ratum esse (Digestae 1.2.2.11).

³⁵ Quidort von Paris J. Über Königliche und papstliche Gewalt (De regia potestate et papali).

³⁶ Bartolo de Sassoferrato. Politica e diritto nel Trecento italiano. Il 'De Tyranno' di Bartolo da Sassoferrato (1314–1357) con l'edizione critica dei trattati «De guelfhis et gebellines», «De regimine civitatis» e «De Tyranno». Cap. 2. P.151, 153, 154.

которого должны были находиться верные ему и «воспитанные» князья. Церкви отдавалась роль всеобщей силы для поддержания порядка, а короли виделись как обязательный элемент власти, который служил для борьбы против анархии. Место короля в этой иерархии в XIV–XV вв. еще не было точно оговорено.

Закат идей республиканизма в конце XV в. способствовал расцвету популярности среди гуманистов размышлений о монархической власти³⁷. Но несмотря на это, в качестве источников для работ Клода де Сейсселя представляется правильное видеть иные сочинения, нежели труды итальянских гуманистов. В свете всего вышесказанного попытаемся определить особенности подхода савойского гуманиста к проблеме образа власти короля в начале XVI в.

В его трудах мы видим сочетание многих подходов к образу власти, которые были разработаны именно в высокое Средневековье. Благодаря Эгидию (Жилу) Парижскому, который использовал в качестве примера добродетелей реально существовавшего правителя, Карла Великого, Клод де Сейссель мог писать похвалы ещё жившему Людовику XII.

Заметим контраст в сочинениях Эгидия Римского и Клода де Сейсселя. У первого везде использовались термины «принцепс» (или «князь») и «король», которые в первую очередь вызывали ассоциацию со средневековой иерархией подчинения всех королей Священной Римской империи. Сейссель же говорил уже только о «короле» и его «служащих». Для последних он выбрал более нейтральный термин *officiers*, чтобы не нарушить иерархию власти в самом королевстве.

В сочинении Эгидия Римского среди многих тем, описывающих образ правителя, фигурировала и та, которая говорила о необходимости воздержания правителя от войн и завоеваний³⁸. Несмотря на то, что Людовик XII вел войну в Италии, это не помешало савойскому гуманисту нарисовать образ короля как идеальный. Каким образом Сейсселю удалось обойти ожидание решения конфликтов мирными средствами и представить воинственного короля как эталон? Это явилось результатом тонкого маневрирования среди

³⁷ Skinner, Q. The Foundations of Modern Political Thought. Vol. 1: The Renaissance. Cambridge, 1978. P. 139.

³⁸ Aegidius Romanus. De regimine principum. Lib. I, Cap. 10.

понятий. В похвалах своему патрону в трудах «Великая французская монархия» и «Похвала Людовику XII» Сейссель избегал обращаться к теме военных побед и, по всей видимости, вынужден был учитывать мнение Эгидия и других философов и юристов.

Основным сюжетом этих двух текстов является именно похвала за осторожные действия. И в целом идеал монархии у Сейсселя оценивался исследователями как *la monarchie tempérée*³⁹. Но мы можем отметить, что в данном случае говоря о «сдержанности», мы имеем возможность истолковать этот термин в контексте средневековых представлений о психологии Эгидия Римского. Описывая отправление функций монарха Людовиком XII, Сейссель, вероятно, имел в виду развернутое раскрытие этой темы у Эгидия Римского в его сочинении «*De regimine principum et regum*». Во второй части книги I, глава 16⁴⁰ Эгидий писал:

Fortitudinem vero adquirere possumus, aggrediendo terribilia et experiendo pugnam. Retrahi autem a delectacionibus potest fieri sine omni periculo.

Бесстрашия, однако, мы можем набраться, принимая страшное и проживая сражения. Однако же он может вернуться к удовольствиям (букв. «восторгам») без какой-либо опасности.

У Эгидия была глубоко развита тема поддержания короля в состоянии психологического равновесия, которой была посвящена вся третья часть первой книги⁴¹. Представляется, что и в «Великой французской монархии», и в «Похвале Людовику XII» Клод де Сейссель приложил много усилий, чтобы создать образ монарха в соответствии с этими предписаниями. Взяв за основу представления о «психологическом балансе» как основе власти короля, Клод де Сейссель сформировал образ монарха раннего Нового времени,

³⁹ Knecht, R. J. Rise and Fall of Renaissance France, 1483–1610. Oxford, 2001. P. 15–16; Bourquin, L. Claude de Seyssel et la noblesse: de l'histoire à l'idéal, in: Claude de Seyssel, c. 1450–1520: écrire l'histoire, penser le politique en France, à l'aube des temps modernes: issu du colloque «Autour de Claude de Seyssel» / Sous la dir. de P. Eichel-Lojkine. Rennes, 2010. P. 81–84; Blanchard, J. Commynes et Seyssel: Proximités et divergences à propos de la Monarchie de France. P. 69–70.

⁴⁰ Aegidius Romanus. De regimine principum. Lib. I. Pars II. Cap. 15. Fol. 57v–58r. S. 186.

⁴¹ Aegidius Romanus. De regimine principum. Lib. I. Pars III. Fols. 211sq. S. 290sq.

который мог быть одновременно и успешным в ведении военных действий, и миротворцем.

В качестве вывода подчеркнем, что образ Людовика XII был создан Клодом де Сейсселем с учётом новых тенденций в философии власти, созданной авторами высокого Средневековья и с уважением к представлениям, которые были разработаны одним из представителей римской семьи Колонна, имевшей значительное политическое и церковное влияние посредством выдвижения из своих рядов священников и пап. Представляется, что в своих воззрениях он больше зависел от Эгидия Парижского, Фомы Аквинского, Эгидия Римского и Бартоло де Сассоферрато, чем от итальянских гуманистов XV в.

Информация о статье

Старостин, Д. Н., Кулешова, Е. В. Средневековые прототипы представлений о французской монархии в раннее Новое время: Клод де Сейссель (1450–1520) между теологами и гуманистами, В кн.: *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени*. 2026. Вып. 9(1). С. 107–128.

Дмитрий Николаевич Старостин, канд. ист. наук, доцент, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный Университет (199034, Россия, Санкт-Петербург, Менделеевская линия д. 5)

d.starostin@spbu.ru

Елена Владимировна Кулешова, канд. ист. наук, доцент, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный Университет (199034, Россия, Санкт-Петербург, Менделеевская линия д. 5)

e.kuleshova@spbu.ru

УДК 94(3)

В настоящей статье мы стремимся проиллюстрировать, что Клод де Сейссель (1450–1520) опирался в своих трудах не столько на работы итальянских гуманистов, сколько на богатую и широко распространённую традицию «Зерцал правителей». Целью статьи было показать, что среди разных воззрений на проблему правового статуса короля как властителя, возникших в эпоху борьбы между Священной Римской империей, папством и королевской властью в XIII–XV вв., Клод де Сейссель нашёл собственный путь создания актуального образа власти, опираясь на идеи Фомы Аквинского и Эгидия Римского в дополнение ко многим другим авторам сочинений о «воспитании королей».

Ключевые слова: Клод де Сейссель, Эгидий Римский, образ королевской власти, «зеркала властителей»

Information on article

Starostin, D. N. Kuleshova, E. V. Medieval Prototypes of Representations of French Minarchy in the Early Modern Period: Claude de Seyssel (1450–1520) Between Theologians and Humanists, in: Proslogion: Studies in Medieval and Early Modern Social History and Culture. 2026. Vol. 9(1). P. 107–128.

Dmitri Nikolaevich Starostin, Doctor of History, Associated Professor, Institute for History, St. Petersburg State University (199034, Russia, St. Petersburg, Mendelevskaia liniia, 5)

d.starostin@spbu.ru

Elena Vladimirovna Kuleshova, Doctor of History, Associated Professor, Institute for History, St. Petersburg State University (199034, Russia, St. Petersburg, Mendelevskaia liniia, 5)

e.kuleshova@spbu.ru

In this article we seek to argue a 16th century humanist Claude de Seyssel developed his image of the king of France Louis XII by relying more on the medieval «Mirrors of princes» treatises than on the works of the Italian humanists of the 15th century. Working in the context in which many theologians, political theorists and legal scholars had created different approaches to the problem of the balance of power between the Empire, the Papacy and the emerging independent kings of France, we argue, he managed to create his own concept in which one may discern traces of concepts of Thomas Aquinas, and particularly, the influence of Aegidius of Rome as a key reference point.

Keywords: Claude de Seyssel, Aegidius of Rome, image of royal power, «Mirrors for princes»

Список источников и литературы / References

Кудрявцев, О. Ф. Творчество Данте в интерпретации гуманистов Флорентийской Платоновской академии, В кн.: *Studia litterarum*. 2022. Вып. 7. № 2. С. 94–101. *Kudriavtsev, O. F.* Tvorchestvo Dante v interpretacii humanistov Florentinskoi Platonovskoi akademii [Dante's Work as interpreted by the Humanists of the Florentine Platonic Academy], in: *Studia litterarum*. 2022. Vol. 7. No 2. P. 94–101.

Старостин, Д. Н., Кулешова, Е. В. Клод де Сейссель (1450–1520) о формировании образа идеальной монархии в контексте Итальянских войн и соперничества с итальянскими городами-государствами, В кн.: *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2020. Т. 11. № 10 (96). *Starostin, D. N., Kuleshova, E. V.* Klod de Seissel (1450–1520) o formirovanii obraza ideal'noi monarhii v kontekste Ital'ianskih vojn i sopernichestva s ital'ianskimi gorodami-

gosudarstvami [Claude de Seyssel (1450–1520) on the Formation on the Ideal Image of the French Monarchy in the Context of the Italian Wars and of the Competition with the Italian City-States], in: *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoria»*. 2020. T. 11. No 10 (96).

Aegidii Romani. Opera omnia, I, II, Catalogo dei manoscritti (239–372). 1/3*–1/3** Francia (dipartimenti, Parigi) / A cura di F. Del Punta, C. Luna. Firenze, 1988. (Corpus Philosophorum Medii Aevi; VI–VII).

Aegidius of Rome. On Ecclesiastical Power: A Medieval Theory of World Government / Ed. by R. Dyson. New York, 2004.

Aegidius Romanus. De regimine principum. Augsburg, 1473.

Aegidius Romanus. De regimine principum. Über die Fürstenherrschaft (ca. 1277–1279): Nach der Handschrift Rom, Biblioteca Apostolica Vaticana, codex borgese 360 und unter Benutzung der Drucke Rom 1556 und Rom 1607 / Hrsg. von V. Hartmann. Heidelberg, 2020.

Aegidius Romanus. De regimine regum et principum. 1301. Historical Medical Library of The College of Physicians of Philadelphia, ms. 10a 212.

Anton, H. H. Fürstenspiegel und Herrscherethos in der Karolingierzeit. Bonn, 1968.

Arquillière, H. X. Le plus ancien traité de l'Eglise: Jacques de Viterbe. De regimine Christiano (1301–1302). Étude des sources et édition critique. Paris, 1926.

Bartolo de Sassoferrato. Politica e diritto nel Trecento italiano. Il 'De Tyranno' di Bartolo da Sassoferrato (1314–1357) con l'edizione critica dei trattati «De guelphis et gebellines», «De regimine civitatis» e «De Tyranno» / A cura di D. Quaglioni. Firenze, 1983.

Billot-Vilandrau, C. Charlemagne and the Young Prince: A Didactic Poem on the Cardinal Virtues by Giles of Paris (c. 1200), in: *Virtue and Ethics in the Twelfth Century* / Ed. by I. P. Bejczy, R. Newhauser. Leiden; Boston, 2005. P. 341–354.

Blanchard, J. Commynes et Seyssel: proximités et divergences à propos de la Monarchie de France, in: *Claude de Seyssel, c. 1450–1520: écrire l'histoire, penser le politique en France, à l'aube des temps modernes: issu du colloque «Autour de Claude de Seyssel»* / Sous la dir. de P. Eichel-Lojkine. Rennes, 2010. P. 63–70.

Boone, R. A. War, domination, and the monarchy of France: Claude de Seyssel and the language of politics in the Renaissance. Leiden, 2007.

Bourdon, P. «La grand Monarchie de France» de Claude de Seyssel et sa traduction en italien, in: *M'elanges de l'école française de Rome*. 1908. T. 28, N° 1. P. 3–29.

Bourquin, L. Claude de Seyssel et la noblesse: de l'histoire à l'idéal, in: *Claude de Seyssel, c.1450–1520: écrire l'histoire, penser le politique en France, à l'aube des temps modernes: issu du colloque «Autour de Claude de Seyssel»* / Sous la dir. de P. Eichel-Lojkine. Rennes, 2010. P. 71–84.

Briguglia, G. Il pensiero politico medievale. Torino, 2018.

Caragnano, M. M. Lo speculum imperatoris di Dialogo 3.2 e il De regimine principium: alcuni ipotesi di confronto, in: *Picenum seraphicum. Rivista di studi storici i franciscani. Nuova serie*. 2024. Vol. 37. P. 133–162.

Caviglia, A. Claudio di Seyssel (1450–1520): La vita nella storia di suoi tempi. Turin, 1928.

Cino de Pistoia. Lectura Codicis. Lyon, 1547.

Collard, F. Claude de Seyssel à l'épreuve de Robert Gaguin, in: *Claude de Seyssel, c. 1450–1520: écrire l'histoire, penser le politique en France, à l'aube des temps modernes: issu du colloque «Autour de Claude de Seyssel»* / sous la dir. de P. Eichel-Lojkine. Rennes, 2010. P. 43–62.

Corbellari, A. L' épopée pour rire: Le voyage de Charlemagne à Jérusalem et à Constantinople et Audigier. 2017.

Dyson, R. W. James of Viterbo: On Christian Government (De regimine Christiano). Rochester, 1995.

Fournel, J.-L. L' écriture du gouvernement et de la force en France et en Italie au début du XVIe siècle, in: *Claude de Seyssel, c. 1450–1520: écrire l'histoire, penser le politique en France, à l'aube des temps modernes: issu du colloque «Autour de Claude de Seyssel»* / Sous la dir. de P. Eichel-Lojkine. Rennes, 2010. P. 103–120.

Fulton, H. Charlemagne in Wales: Imperialism in Medieval Welsh Poetry, in: *Charlemagne in the Norse and Celtic Worlds*. Boydell & Brewer, 2022. P. 193–218.

Gallet, L. La monarchie française d'après Claude de Seyssel, in: *Revue historique de droit français et étranger*. 1944. Vol. 22. P. 1–34.

Godfred Viterbiensis. Speculum regum, in: *Scriptorum*. T. XXII. Hannover, 1872. P. 21–93.

John of Salisbury. Policraticus I–IV / Ed. by K. S. B. Keats-Rohan. Turnhout, 1992.

Jones, C. Giles of Rome, Political Thought, in: *Encyclopedia of Medieval Philosophy* / Ed. H. Lagerlund. Dordrecht, 2020. P. 417–423.

Jouanna, A. Les avatars du thème de la monarchie mixte dans l'œuvre de Claude de Seyssel, in: *Claude de Seyssel, c. 1450–1520: écrire l'histoire, penser le politique en France, à l'aube des temps modernes: issu du colloque «Autour de Claude de Seyssel»* / Sous la dir. de P. Eichel-Lojkine. Rennes, 2010. P. 15–24.

Kantorowicz, E. The King's Two Bodies: A Study in Mediaeval Political Theology. Princeton, 1957.

Karls des Grossen Reise nach Jerusalem und Constantinopel / Ed. E. Koschwitz. Heilbronn, 1879.

Karls des Grossen Reise nach Jerusalem und Constantinopel, ein altfranzösisches Heldengedicht / Hrsg. Von E. Koschwitz, G. Thureau. 7. Aufl. Leipzig, 1923.

Knecht, R. J. Rise and Fall of Renaissance France, 1483–1610. Oxford, 2001.

Lambertini, R., Conetti, M. Il potere al plurale. Un profilo di storia del pensiero politico medievale. Roma, 2019.

Le Pèlerinage de Charlemagne à Jérusalem et à Constantinople, in: *La geste de Garin de Monglane en prose* / Ed. H.-E. Keller. 1994. P. 167–188.

Miethke, J. Ein Fürstenspiegel für den Kaiser in der Tertia pars des «Dialogus» Wilhelms von Ockham, in: *Institution und Charisma. Festschrift für Gert Melville zum 65. Geburtstag* / Hrsg. von J. Felten, A. Kehnel, S. Weinfurter. Köln; Weimar; Wien, 2009. S. 245–262.

Mombello, G. Claude de Seyssel: un esprit modéré au service de l'expansion française, in: *Culture et pouvoir au temps de l'Humanisme et de la Renaissance* / Sous la dir. de L. Terreaux. Paris, 1978. P. 71–119.

Papi, F. Il De regimine principum di Egidio Romano nella biblioteca di Dante, in: «Significar per verba»: *laboratorio dantesco*. Ravenna, 2018. P. 157–202.

Poujol, J. Claude de Seyssel. Monarchie de France et deux autres fragments politiques. Paris, 1961.

Quidort von Paris J. Über Königliche und papstliche Gewalt (De regia potestate et papali) / Hrsg. von F. Bleienstein. Stuttgart, 1969.

Rauschen, G. Die Legende Karls des Grossen im 12 und 13 Jahrhundert. Leipzig, 1890.

Rejhon, A. C. The Reception of the French Charlemagne Epic in Medieval Wales: The Case of Cân Rolant and Pererindod Chiarlymaen, in: *Charlemagne in the Norse and Celtic Worlds*. Cambridge, 2022. P. 172–192.

Sechs Bearbeitungen des altfranzösischen Gedichts von Karls des Grossen Reise nach Jerusalem und Constantinopel / Hrsg. von E. Koschwitz. Heilbronn, 1879.

Seyssel C. La grant Monarchie de France. Paris, 1519.

Seyssel C. de. Les louenges du roy Louis XII de ce nom. Paris, 1508.

Seyssel C. D. La Monarchie de France / Sous la dir. de R. Ragghianti. Paris, 2012.

Skinner, Q. The Foundations of Modern Political Thought. Vol. 1: The Renaissance. Cambridge, 1978.

Tommaso de Aquino. De regimine principum / trad. da A. Meozzi. Lanciano, 1923.

William of Ockham. Dialogus: Part 3 Tract 2 / Ed. by S. Heinen, K. Ubl. London, 2019.

Wollasch, J. Kaiser und Könige als Brüder der Mönche: Zum Herrscherbild in liturgischen Handschriften des 9 bis 11 Jahrhunderts, in: *Deutsches Archiv*. 1984. Jg. 40. No 1. S. 1–20.